

Глава 9. Японское присутствие на Сахалине (1905–1945) как вопрос исторической памяти	287
Глава 10. Японские военнопленные в СССР: правовой, социальный и гуманитарный аспекты «сибирского плена»	304
Глава 11. Проблема пограничного размежевания в российско-японских отношениях	318
Об авторах	336

Введение

Проблема разности восприятия истории своего и других народов в современном мире становится глобальным трендом, и феномен так называемых исторических войн вызывает большой интерес. В этом смысле Северо-Восточная Азия не является исключением, поскольку страны этого региона не только имеют в своем прошлом конфликты с соседями, но и используют память об этих конфликтах в политических целях в наши дни.

В постбиполярный период в Китае, Японии и государствах Корейского полуострова наблюдается усиление напряженности в отношениях друг с другом, и связано оно прежде всего с принципиальными различиями в понимании событий первой половины XX в. Речь в данном случае идет о борьбе не государств, а их идентичностей: корни неустойчивости отношений между этими странами лежат в их меняющейся самоидентификации. По мнению британского исследователя Р. Ли, формируя новую идентичность, эти страны воспринимают усилия партнера по созданию своей национальной идентичности как вызов собственной идентичности [Li 2018: 48]. Они мобилизуют историческое знание для обоснования своего суверенитета над прошлым.

Память социума о собственном прошлом, как и представления нации о собственной идентичности, — продукт искусственный, созданный умышленно. Этот феномен достаточно подробно изучен, и современные социологи рассматривают нацию как некое воображаемое сообщество, члены которого по большей части не знакомы между собой лично, но при этом ощущают свое национальное единство, обладая при этом общими представлениями о своей истории, географии, культуре [Андерсон Б. 2016: 47]. Действительно, многомиллионное население Японии, Китая или России, скорее всего, никогда не будет знать каждого из своих соотечественников, это невозможно. Но вместе с тем всем из них привито знание о героях собственной древности, выдающихся писателях и поэтах, а также о конкретных природных пейзажах и рукотворных достопримечательностях, которые следовало бы посетить, если ты обладаешь чувством патриотизма.

Подобное положение дел является результатом длительного общественного развития, предполагающего централизованное воспитание и внедрение национальной идеологии. Это под силу сделать, распространяя просвещение и повсеместное начальное образование. Однако позволить себе столь дорогостоящую и длительную стратегию могут лишь объединенные социумы, решившие хотя бы минимально вопросы достатка своих членов.

Среди стран Северо-Восточной Азии раньше всего создать обновленное унитарное бессловное национальное государство (яп. *миндзоку кокка* 民族国家) удалось Японии. Именно в период Мэйдзи политическая элита страны смогла осуществить успешную модернизацию, и немалую роль в этом как раз сыграла система обязательного начального школьного образования, а также система патриотического воспитания во вновь создаваемой регулярной императорской армии. Впервые в истории страны посредством уроков этики и морали, а также через школьные и армейские учебники в сознание, особенно молодых поколений, централизованно было внедрено целостное массовое представление о себе, собственном прошлом и собственной миссии в мире.

Процесс «воспитания нации» был проведен с оглядкой на опыт европейских стран, проходивших период становления национальных государств в первой половине XIX в. При этом важно учитывать, что процесс создания нации в Японии сопровождался также созданием колониальной империи, поэтому молодое японское государство и стоявшее за ним японское общество достаточно болезненно реагировали на внешнеполитические неудачи, нередко воспринимая геополитические просчеты и поражения как национальный позор или проявление оскорбления со стороны западных держав. Поэтому вступление Японии во Вторую мировую войну в определенной степени объясняется в том числе и уязвленным самолюбием, и неудовлетворенным чувством мстительности за нанесенные Западом оскорбления, и амбициозным стремлением показать «белому» миру свою состоятельность в качестве великой державы, способной создать собственную империю. Именно этот психологический комплекс во многом толкнул ее в лагерь «обиженных» несправедливостью Версальской системы держав. В послевоенный же период национальная идентичность Японии строилась на основе критического переосмысления милитаристского прошлого, т.е. без имперской составляющей.

Процесс создания национальной идентичности в Китае и Корее был значительно более драматичным. Ни в одной из этих стран модернизации рубежа XIX–XX вв. не привели к созданию сильного госу-

дарства. В Китае после крушения Цинской империи начался период турбулентности, в ходе которого временная политическая стабилизация в годы правления Гоминьдана была нарушена японской агрессией, а после войны с внешним врагом началась гражданская война, которая привела к расколу нации, к формированию двух китайских идентичностей — в материковом Китае и на Тайване. Во вновь созданной КНР были проведены масштабные реформы народного образования и письменности, которые привели к разрыву с прежней культурной традицией, в результате чего на протяжении нескольких поколений сформировалась новая китайская идентичность с встроенным коммунистическим кодом, который не был разрушен, а лишь претерпел частичную трансформацию после смерти Мао Цзэдуна¹.

Китайская идентичность на Тайване формировалась в преемственности с традицией, письменность здесь была сохранена без масштабных изменений, однако эта идентичность не является преемницей имперского Китая. Кроме того, уже несколько десятилетий она существует в трудно скрываемом противопоставлении КНР. Преодолеть этот раздел уже, видимо, не удастся, поскольку на данный момент фактически не осталось живых свидетелей докоммунистического уклада в Китае и в разнонаправленных парадигмах уже воспитано не одно поколение жителей по обе стороны Тайваньского пролива. Подтверждением тому являются предвыборные программы ряда политических партий на Тайване, выступающих за самостоятельное существование Китайской Республики на острове.

Говоря об истории Кореи в XX в., следует признать ее не менее, а, возможно, даже и более драматичной. Как и в Китае, попытки модернизационной трансформации в начале XX в. оказались неудачными, и страна почти на сорок лет лишилась своей государственности, а события конца 1940-х — начала 1950-х годов разделили нацию пополам, в итоге окончательно похоронив идею воссоединения. По обе стороны от 38-й параллели также выросло несколько поколений, воспитанных во взаимном противопоставлении.

Примеры разделенного Китая и стран Корейского полуострова являются достаточно весомым доказательством конструируемости национальной идентичности, где этническая или лингвистическая принадлежность играют лишь вспомогательную роль и далеко не всегда определяют возможность воссоединения. Реальными факторами образования идентичности служат распространение грамот-

¹ Отдельный вопрос, являющийся темой для самостоятельного анализа, — неханьские народы КНР и их идеологическая встроенность в идентификационную вертикаль КНР.

ности, создание или реформирование национального литературного языка, а также идеология, отраженная в учебниках и программах школьного и университетского образования. Все эти факторы, взятые вместе, приносят видимый результат в том случае, если устойчиво используются на протяжении нескольких поколений.

Сформировавшееся на данный момент в странах Восточной Азии общественное сознание и парадигмы самовосприятия вряд ли уже будут изменены. Политики — в какой бы из этих стран они ни осуществляли свою деятельность — уже не смогут или не захотят кардинально поменять эти основы без риска для своей карьеры, поэтому в обозримом будущем следует ожидать дальнейшее укрепление имеющихся идентичностей, и элемент конфронтационности здесь будет задействован со всех сторон. Как следствие, взгляд на разное понимание событий XX в. будет лишь усугубляться.

Каждая идентичность формирует свое представление о прошлом. Британский историк Р. Г. Коллингвуд утверждал, что любая история написана с точки зрения конкретного настоящего [Collingwood 1946]. Каждое следующее поколение пишет свою историю и дает свое видение прошлого, основываясь на собственном опыте и сообразуясь с теми внешними обстоятельствами, которые актуальны именно для него в настоящий момент.

Представления разных национальных идентичностей о совместном прошлом заведомо не могут совпадать. Они разнятся между собой, и эта разность — при наличии более широкого круга причин для противоречий — приводит к возникновению *исторических войн*, т.е. несогласию, взаимным обвинениям и требованиям извинений.

Исторические войны — это борьба между разными историческими нарративами, отнюдь не всегда государственными. Конфликтующими сторонами здесь могут выступать конфессиональные, этнические, социальные сообщества. Но применительно к странам Восточной Азии, где традиционно сильна роль государства, можно говорить, что борьба идет на уровне государственных идеологий. И каждая из них сохраняет не столько воспоминание о случившемся, сколько создает его версии, то, что исследователями принято называть актуализированным прошлым (*usable past*) — набор специально отобранных фактов, явлений, исторических деятелей и связанными с ними символизированными трактовками [Малинова 2017: 8–9]. Эти версии служат вполне конкретным целям — поддержанию ощущения легитимности существующего строя, созданию национальной идентичности, сплочению общества, наконец, просто — поддержанию стабильности на больших пространствах, особенно в критических обстоятельствах —

например, внешней угрозы. И в этом тщательно отфильтрованном прошлом содержится целостная картина прошлого, понятная ныне живущим, а также месседжи, которые должны считываться членами сообщества для ощущения себя частью некоего грандиозного целого.

В последние десятилетия во всем мире значительно выросло число «заявлений» от разных групп и сообществ о том, что они испытали страдания в прошлом. И культурная травма, т.е. представление о пережитой «моим народом/обществом» трагедии, стала мощным объединяющим началом. Национальная идентичность теперь очень часто базируется не только на героическом, но и на травматическом прошлом. Травма объединяет общество посредством связей, которые позволяют разделить страдания других. Прием этот безусловно действенный, ибо внешняя по отношению к сообществу опасность сплачивает намного больше, чем какой-то внутренний разлад. Понятно, что объединиться вокруг идеи противостояния внешнему врагу намного легче, нежели обращаться к примирению, скажем, в гражданской войне.

И здесь важно понимать, что проблема заключается не в исторических событиях как таковых. Сколь бы они ни были тяжелы и сложны, дело не в них. Арсенал фактов, трактуемых как национальная травма, достаточно велик, и любой из них может быть использован (или наоборот — опущен, не использован) для обоснования какого-то политического утверждения или обвинения в подходящий для этого момент. Иными словами, если между государствами усиливается напряженность, из чулана можно достать любой скелет. Если же отношения носят ровный характер, то любая обида может быть забыта или даже более того — память о ней может стать моментом примирения.

Применительно к странам Северо-Восточной Азии приходится отметить на первый взгляд парадоксальное обстоятельство: в годы холодной войны антияпонская риторика не была в ходу в Пекине и Сеуле. В коммунистическом Китае в 1950–1960-е годы критика Японии и даже напоминание о понесенных китайским народом страданиях считались «нетактичными». Свою роль играло нежелание лишиться раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить признание западных стран, и в том числе Японии. В рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти: японский народ, согласно этому взгляду, сам был жертвой относительно немногочисленной клики милитаристов, а обвинять в преступлениях весь народ было нельзя. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявили, что за агрессию должен нести ответствен-

ность ограниченный круг милитаристов, а вовсе не японский народ [Onuma 2002: 601].

В Республике Корея критика Японии в период правления авторитарных режимов в 1960–1980-е годы не приветствовалась по той причине, что страна сильно нуждалась в японской экономической помощи. Когда в 1965 г. решался вопрос о восстановлении дипломатических отношений, южнокорейская сторона с готовностью согласилась на заключение секретной сделки об оказании финансовой помощи объемом около 500 млн долл., которые позиционировались именно как помощь, а не репарации. Во многом это было сделано по настоянию японской стороны, не желавшей заострять внимание на своей ответственности. Однако нельзя забывать и о том, что тогдашний южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи в своих действиях имел больше свободы, чем с началом демократического времени, принимать решения единолично, исходя из собственных представлений о политической целесообразности.

Уместно отметить, что предоставленный тогда Токио пакет финансовой помощи Сеулу позволил провести модернизацию инфраструктуры и стал одним из факторов корейского экономического чуда. Отчаянно нуждаясь в экономической помощи Японии, Сеул, по сути, не имел иного выбора, кроме как идти на компромисс. На первом месте для него стоял вопрос о скорейшем привлечении средств для строительства ключевых объектов инфраструктуры. На полученные от Японии средства южнокорейское правительство основало в 1968 г. крупную металлургическую компанию, построила плотину Соян на реке Хан, а годом позднее — скоростную автомагистраль Кенбу. Эти и другие сооружения в дальнейшем имели важное значение в обеспечении южнокорейского экономического чуда. Вместе с тем, с точки зрения общественного мнения демократической Южной Кореи, Пак Чжон Хи совершил предательство, пойдя на унижительную сделку с Японией.

В 1980-х годах во внутривнутриполитическом дискурсе КНР и Республики Корея произошли качественные изменения. В КНР в связи с растущим в обществе недовольством в отношении наследия Мао правящая партия стала делать ставку на усиление не классовый, а националистической компоненты в идеологическом воспитании масс, используя для этого управляемые из центра кампании патриотического воспитания, тем более что консолидация общества на основе националистических настроений была необходима руководству КНР во главе с Дэн Сяопином в период кризиса социалистической идеологии после начала реформ [Перминова 2020: 3]. В 1990-е годы в Китае

была запущена кампания патриотического воспитания, которая делала упор на историческую роль КПК в ликвидации иностранного империализма. Патриотическое воспитание молодежи было реакцией сверху в ответ на усиление недовольства среди китайской молодежи ходом политических реформ в стране, проявившегося в инциденте на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. [Zhao Suisheng 1998: 287–302].

В новых учебниках истории главным врагом борьбы за национально-классовое освобождение объявлялся теперь уже не Гоминьдан, как это было прежде, а японский милитаризм. Если раньше «война антияпонского сопротивления» рассматривалась лишь как один из эпизодов освободительной борьбы, то теперь эта война была специально выделена как главное событие Второй мировой войны. Основными злодеями были объявлены «японские империалистические агрессоры», заменившие империалистические державы Запада и националистических предателей. Гораздо больше внимания стало уделяться Нанкинскому инциденту и другим зверствам японской военщины. Период японской военной оккупации был инкорпорирован в нарратив *столетия унижения*, под которым понимается время с момента начала Опиумной войны в 1839 г. до провозглашения КНР в 1949 г.

При этом война против Японии стала подаваться в гораздо более широком контексте векового противостояния с либеральным Западом, из которого Китай вышел победителем в 1949 г. [Fitzgerald 2015]. Китай, таким образом, стал конструировать свою национальную идентичность, апеллируя к угрозе повторения эпохи национального унижения, причем в роли источника такой угрозы выступал внешний враг — Япония, власти которой, в рамках этого нарратива, занимаются обелением собственного прошлого.

После начала процессов демократизации в конце 1980-х годов большое значение патриотическое образование стало иметь и в Республике Корея. В центре внимания оказались исторические события и факты, свидетельствующие об унижении корейского народа в период японского колониального правления. Особенно сильные эмоции вызывает в Южной Корее период войны на материке 1937–1945 гг., когда Токио многократно усилил линию на ассимиляцию Кореи в составе Японской империи. Корейцев тогда заставляли брать японские имена, посещать синтоистские храмы и поклоняться синтоистским святыням. Корейский язык был запрещен в официальных документах и прессе. В 1943 г. корейцев начали призывать в японскую императорскую армию. Десятки тысяч корейских женщин были принуждены к сексуальному рабству в «домах терпимости», созданных японскими

властями для обслуживания японских военных. Проблема «женщин для утешения» и по сей день остается предметом противоречий между Южной Кореей и Японией вокруг финансовой компенсации живущим жертвам сексуального насилия.

Претензии соседей в адрес Японии, связанные с военным прошлым, долгое время не выходили в плоскость межгосударственных отношений, но в 1980-е годы ситуация стала меняться, и в последние десятилетия претензии озвучиваются все громче. На рубеже XX–XXI вв. началось отчетливое вынесение проблем исторической памяти уже в пространство межгосударственных отношений в треугольнике Пекин–Сеул–Токио. Удивительно то, что претензии к Японии были вынесены в общественное пространство именно тогда, когда все эти страны преодолели трудности биполярного периода, решили для себя важный вопрос международного признания, достигли социальной стабильности и экономического процветания. Все это, казалось бы, должно было привести к взаимному примирению и внутрирегиональной интеграции. Однако именно здесь свою роковую роль играют не сами события, а современный политический контекст.

Особенно напряженность вокруг вопросов истории стала усиливаться с 2012 г., когда в Китае, Японии и Республике Корея сменился общественно-политический дискурс и новое поколение политиков в них стало обращаться к прошлому с целью усиления собственной легитимности¹. Это поколение стало выступать за пересмотр доминировавших ранее исторических нарративов и за установление более «националистического» видения истории, которое позволило бы им укрепить свою легитимность и повысить рейтинги доверия среди населения [Duis 2017: 10–12]. Напряженность подпитывается и внешнеполитическим фактором — изменением баланса сил в регионе, все усиливающимся соперничеством между КНР и США и их союзниками.

Надо сказать, что попытки примирения предпринимались некоторыми японскими премьер-министрами в предшествующий период. В свое время это делали Н. Киси и К. Танака. Самая же яркая из них — речь Т. Мураяма 15 августа 1995 г. по случаю 50-летней годовщины окончания войны, когда он достаточно смело высказал твердую уверенность в стремлении не допустить повторения ужасного прошлого.

¹ Подтверждением этому стала нарочито антияпонская линия пришедшей к власти в 2012 г. президента Республики Корея Пак Кынхе, вынужденной демонстрировать показную жесткость по отношению к Японии, чтобы избавиться от ярлыка дочери «предателя» (ее отец — Пак Чжон Хи — будучи президентом, подписал в 1965 г. договор с Японией, который воспринимался общественностью как унижительный и не учитывающий всех интересов страны).

Специалисты спорят о том, какова должна быть степень и стилистика этих извинений. Ведь помимо всего прочего нельзя забывать и о реальных поступках некоторых политиков, стремящихся закрыть счет по итогам войны, и о сформированном консервативным крылом политической элиты страны видении прошлого, о чем речь будет далее.

Прежде чем говорить о самих претензиях, необходимо обозначить идентификационную и этическую составляющие этих запросов на извинения. Важно иметь в виду, что нынешние претензии, связанные с прошлым, предъявляют отнюдь не столько сами жертвы событий, сколько их потомки (или даже еще точнее — *те, кто считает себя потомками*). Они не застали или почти не застали ужасов колониального прошлого или оккупации. В такой ситуации уместен вопрос: являются ли страдания других людей страданиями ныне живущих членов сообщества? Ведь если речь идет о событии прошлого, особенно если заставшие его свидетели или участники уже умерли, то каким образом ныне живущие испытывают страдания и на чем основано их право говорить от лица давно умерших или погибших людей? Ассоциируя себя с жертвами, нынешние поколения искусственно расширяют свои рамки, отождествляя себя с теми, кто испытал травму на себе реально.

Но вернемся к извинениям и пока лишь отметим тот факт, что подобного рода попытки, с одной стороны, считаются недостаточными в КНР и Республике Корея, а с другой стороны, нередко вызывают разочарование у японского избирателя, расценивающего их как унижительные.

Как отмечали южнокорейские исследователи Чхун Чха Хюн и Чхо Юн Чул, Южная Корея и Китай воспринимают нынче историю региона в период экспансии японского империализма на материк через дуалистическую призму отношений жертвы и преступника [Ja-hyun Chun 2016: 95]. Этот взгляд имеет четкие моральные ориентиры: Корея и Китай являются жертвами, а Япония — преступником. С этой точки зрения поражение Китая от Японии в 1895 г. и последовавшая за этим аннексия Тайваня, поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. и присоединение к Японской империи Южного Сахалина и российских владений в Китае, аннексия Кореи в 1910 г., наконец, вторжение Японии в Маньчжурию в 1931 г. и Китай в 1937 г. — все это является свидетельствами проводившейся Японией последовательной империалистической политики. При этом Нанкинская резня и биологические и химические эксперименты отряда 731 — это не что иное, как государственные преступления против человечности. Между тем в Японии политика на материке хотя и считается ошибочной, но не подвергается безусловному осуждению

на том основании, что в тот период подобным образом действовали все империалистические государства, ставшие победителями во Второй мировой войне.

Стоит особо отметить, что в конфликте исторических нарративов главным критерием в оценке правомерности тех или иных действий государств являются не юридические, а этические категории. Уместно вспомнить, что именно с моральных позиций оценивались действия Японии в подписанной Китаем Каирской декларации 1943 г., где говорится о том, что Япония должна быть изгнана с территорий, «которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности» (*Cairo Communiqué*). Именно морально-этические аспекты, по мнению Сеула и Пекина, являются определяющими для того, чтобы Япония безоговорочно осудила свои прошлые деяния и искренне извинилась перед азиатскими соседями, причем в такой форме, которая удовлетворит страны-жертвы.

Логика извинения требует, чтобы обе стороны согласились с наличием самого факта проступка, после чего сторона, совершавшая проступок, признает, что сделала это. Как отмечал профессор Стэнфордского университета П. Дуус, извинение устанавливает моральную иерархию, в которой жертва морально выше, а преступник — ниже. Пострадавшая сторона может расценить извинение как неискреннее, недостаточное либо не подкрепленное действиями и, следовательно, не подлежащее удовлетворению. В этом случае политика извинений ведет не к примирению, а к еще большей конфронтации, создавая нисходящую спираль, когда жертва настаивает на все большем количестве извинений, а извиняющийся испытывает чувство обиды за то, что его постоянно заставляют снова и снова делать то, что он уже сделал [Duus 2017: 3].

В Европе послевоенное примирение, особенно ближе к концу XX в., принесло свои плоды, поскольку оно укреплялось как историко-культурной общностью региона, понимаемой в парадигме *семья народов*, так и дальнейшей интеграцией, приведшей к образованию Евросоюза. Поэтому взгляд на историю здесь, несмотря на вспыхивающие иногда медийные скандалы, становится более инклюзивным, происходит смещение координат национальных образов истории в пользу более комплексной картины [Ассман 2018: 164–167]. В условиях транснационального общеевропейского пересмотра видения истории странам-виновницам значительно легче преодолеть бремя исторической ответственности, хотя и для этого тоже понадобилось длительное время.

Взаимоотношения же КНР и РК с Японией развиваются в удивительной логике, согласно которой экономическая интеграция сопровождается политической конфронтацией. Подобное положение

вещей уже, по-видимому, надолго останется фактором развития региона. Многократные попытки японского руководства решить проблемы исторического прошлого путем формального выражения извинений оказывались неплодотворными, они не были оценены соседями надлежащим образом, и руководство страны, скорее всего, уже надолго отказалось от такого подхода. Примирения, подобного европейскому, не произошло, и несколько ближайших поколений в странах Северо-Восточной Азии, очевидно, вырастут за стеной исключительно «собственной боли», которую им прививают сейчас политики.

Особой спецификой отмечены взаимоотношения Японии с США. В Соединенных Штатах преобладает понимание как справедливости самой Войны на Тихом океане, так и справедливости ее юридических и фактических итогов. Символическим обстоятельством, подтверждающим справедливость возмездия (и в определенной степени оправдывающим в глазах американской общественности атомные бомбардировки лета 1945 г.), является вероломное нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. По содержанию это событие в чем-то резонирует с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г.

Именно с налета на Пёрл-Харбор начинается Тихоокеанская война, которая сразу же стала частью мировой. При этом очевиден понятный крен американской историографии, высвечивающей противостояние Японии именно с США в этой войне — битвы у атолла Мидуэй, Соломоновых островов, за Гуадалканал, а также сражение за Окинаву. Американцы хорошо знают о проявленном на Тихом океане их соотечественниками (в том числе будущими президентами США Кеннеди и Бушем) героизме, известно там и о жестоком обращении японцев с военнопленными армии США и других стран Запада. Между тем агрессивная политика Японии на азиатском материке занимает в этих работах второстепенное место.

При этом последствия оккупационной политики, проводимой США в Японии после войны, носили амбивалентный характер, что повлияло на японскую память об этой войне. С одной стороны, благодаря усилиям Штаба оккупационных войск была разработана и вступила в действие новая конституция, а к участию в политической деятельности были допущены прежде запрещенные партии, в том числе и Коммунистическая партия Японии. С другой же стороны, опасаясь чрезмерного усиления влияния левых политических сил, ШОВ сделал ставку на союз с консервативным крылом, дабы не потерять влияния в стране. Именно консерваторы были необходимы в тот момент, когда Японию превращали из поверженного врага в лояльного партнера. Понятно, что в такой ситуации проводить политику, подобную по-

литике денацификации, осуществлявшейся на территории Германии, американское командование не стало. Оно стало поддерживать идею «здорового патриотизма» в японском обществе, рассчитывая использовать его в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно сильно это стало заметно с началом Корейской войны).

Либерально мыслящая часть японской общественности нередко упрекает оккупационные власти в альянсе с консерваторами и сожалеет о том, что те отказались от массовых чисток государственного аппарата по германской модели и полностью или частично освободили представителей этого истеблишмента от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. В результате в основе своей довоенная бюрократическая система не была демонтирована в конце 1940-х годов, но главное — в японском обществе (в отличие от обществ в ФРГ и ГДР) не было внедрено понимание общенациональной ответственности за преступления времен войны (о последствиях, к которым это привело, будет сказано ниже).

Неудивительно, что после подписания Сан-Францисского мирного договора и окончания периода оккупации на Японию были наложены очень мягкие наказания в виде символических репараций. США в условиях нового противостояния предпочли не спрашивать слишком строго за прегрешения прежнего противостояния, тем более что страна признала приговоры многих трибуналов, включая Токийский. Аналогичную позицию проявляли в послевоенный период западные державы, колонии которых в Юго-Восточной Азии были в годы войны объектом японской агрессивной политики, — Великобритания и Голландия, а также страны Британского Содружества — Австралия и Канада.

У них были достаточные основания для проявления жесткости в деле выработки условий послевоенного урегулирования с Японией. Это в первую очередь касается Австралии, территория которой непосредственно пострадала от агрессии, а также Голландии, многие граждане которой, захваченные в Индонезии, стали жертвами оккупационной политики (например, голландки, работавшие в «станциях утешения»). В послевоенные годы отношения Японии с этими странами еще очень долго оставались чрезвычайно сложными: давала знать память о жестоком обращении с ее гражданами в годы войны — «Марш смерти» на острове Батаан, непосильный труд и огромная смертность при строительстве железной дороги между Таиландом и Бирмой в 1942–1943 гг., для которого было привлечено около 60 тыс. британских, голландских, австралийских и американских военнопленных (около 15 тыс. из них погибли).

Но со временем эти страны все же сочли вопрос об ответственности Японии решенным. И поскольку дальнейшее развитие их взаимоотношений осуществлялось в логике внешнеполитической и экономической кооперации и интеграции, это привело к постепенному сглаживанию остроты военной проблематики. События войны на Тихом океане уже не воспринимались так остро, как прежде.

Подтверждением определенного примирения в вопросах понимания исторической памяти стали достаточно регулярные публичные принесения извинений бывшим военнопленным армий этих стран. Практика этих извинений продолжается и по сей день. Компания «Мицубиси» в 2015 г., в преддверии семидесятой годовщины окончания Второй мировой войны, принесла извинения одному из двух на тот момент здравствовавших американских военнопленных — 94-летнему Джеймсу Мерфи, трудившемуся на рудниках компании. С противоположной стороны видны ничуть не менее заметные в символическом аспекте явления. Визит президента США Б. Обамы в Хиросиму в 2016 г. хотя и не стал полноценным извинением за атомные бомбардировки и был обусловлен своими политическими резонами, тем не менее был воспринят японцами достаточно благосклонно.

Что касается взаимоотношений Японии с СССР (и с современной Россией), то здесь проблемы исторического прошлого крайне редко выносились в межгосударственное пространство. В этих отношениях не наблюдается пограничных конфликтов или длительных взаимных обвинений с отзывом послов или установкой «неподходящих» памятников под окнами посольств. Пресловутая территориальная проблема порой становится поводом для проведения тех или иных мероприятий, но в целом не сказывается кардинально и не приводит к длительному ухудшению двусторонних отношений.

Безусловно, история двусторонних отношений имеет массу неприятных фактов — противостояние в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг., интервенция японских войск на Дальнем Востоке¹, пограничные конфликты конца 1930-х годов. Однако они выведены из

¹ К данному периоду относится эпизод, который мог стать предметом разногласий и взаимных претензий, так называемый Николаевский инцидент — столкновение между бойцами отряда анархиста Я. Тряпицына с японцами в г. Николаевске, произошедшее в 1920 г. и закончившееся сожжением японского гарнизона, а также японского консула и его семьи. Однако вопрос этот был урегулирован дипломатическим путем в момент взаимного признания СССР и Японией. В 1925 г. были установлены дипломатические отношения между двумя странами, что было зафиксировано в так называемой Пекинской конвенции. В дополнительной ноте к этому документу СССР выразил сожаление по поводу Николаевского инцидента. В дальнейшем ни этот инцидент, ни случаи проявления жестокости японскими военными в отношении мирного населения Дальнего Востока России никогда не были поводами для предъявления претензий.

номенклатуры актуальных взаимных претензий, оставаясь при этом фактами, по-разному интерпретируемыми внутри самих стран.

Что касается восприятия событий 1940-х годов, то необходимо помнить, что куда как большее значение и в Советском Союзе, и в современной России уделялось и уделяется победе в борьбе с Германией. Великая Отечественная война стала одной из идентификационных основ общества, воспринимаемой ныне не только как факт идеологии, но и на личном уровне, как часть семейной истории. На фоне распада СССР, проигрыша в холодной войне, экономической нестабильности 1990-х годов победа в войне оставалась последним историческим событием, которое бесспорно вызывало и вызывает чувство национальной гордости.

Война же с Японией занимает несоизмеримо меньшее место в российском общественном сознании и воспринимается как эпилог Второй мировой войны, о котором вспоминали очень эпизодически. Вступление СССР в войну с Японией в большей степени подавалось как выполнение обязательств перед союзниками. К тому моменту оно уже имело юридическое обоснование в виде положений Устава ООН (ст. 107), согласно которым страны-подписанты должны были немедленно предпринять все меры против вражеских государств, направленные на скорейшее завершение войны. Легитимности вступлению в войну добавлял и тот факт, что Япония первоначально отвергла условия Потсдамской декларации и предложение сложить оружие.

Однако дальнейшее развитие событий, будучи частью более широкого, блокового противостояния холодной войны, породило две проблемы — территориальный спор и вопрос о содержании военнопленных Квантунской армии, отправленных после ее капитуляции в лагерь в СССР, где они пребывали в период с 1945 по 1956 г. Разбору каждого из этих вопросов посвящены отдельные главы данной монографии.

Москва не подписала Сан-Францисский мирный договор, и нормализация отношений с Японией произошла позже, в 1956 г., когда была подписана Совместная декларация. Согласно тексту статьи 6 этой декларации обе стороны взаимно отказываются от претензий, возникших в результате войны с 9 августа 1945 г., что делает невозможным любое, даже формальное, выдвижение взаимных обвинений по каждому вопросу. Это означало, что японское руководство не будет предъявлять официальных претензий по поводу содержания в плену японских военнопленных. Между тем для самой Японии проблема военнопленных стала чувствительной темой внутренней повестки (о чем речь в одной из глав данной монографии), ибо отправка

в СССР добровольно сдавшихся солдат и офицеров, из которых в плену умерло несколько десятков тысяч, полагалась незаконной.

Японская сторона не выдвигала официальных претензий СССР по данному вопросу, ибо юридически после 1956 г. это было сделать невозможно. Этическая же сторона вопроса окончательно была урегулирована лишь в 1990-е годы властями Российской Федерации. Во время официального визита в Токио в 1993 г. президент Б. Н. Ельцин произнес слова о той исторической несправедливости, которая была проявлена в отношении японских военнопленных. Что же касается вопроса о выплатах компенсаций, который обычно возникает в подобных ситуациях в дискуссиях Японии с КНР и РК, то в случае с военнопленными Квантунской армии это чрезвычайно маловероятно. Ни по экономическим, ни уж тем более по идеологическим соображениям выплаты компенсаций невозможны, поскольку невозможно представить, чтобы граждане современной России могли хотя бы отчасти согласиться с идеей выплаты компенсаций людям, чья страна была союзницей гитлеровской Германии.

Нынешняя российская позиция основана на идее незыблемости итогов войны, определяющих все послевоенное устройство мира. Япония же исходит из того, что мир теперь изменился и что настала пора восстановить допущенную в отношении нее несправедливость, ибо она пострадала в результате сговора СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции. Именно в этом ключе рассматривает японская сторона возникшую в послевоенный период в двусторонних отношениях проблему пограничного размежевания, а также проблему японских военнопленных, содержащихся в советских лагерях. Решение этих проблем стало для Японии частью общей линии по «подведению итогов Второй мировой войны».

В самой Японии видение собственного исторического прошлого не было достаточно отрефлектировано. В отличие от Германии, где темы нацизма и холокоста были не только изучены, но и соответствующим образом внедрены в общественное сознание, в Японии на протяжении первых послевоенных десятилетий отсутствовало критическое отношение к вопросу о роли страны во Второй мировой войне. В то время как и ФРГ, и ГДР при разности политического устройства подчеркивали во всем свою противоположность в отношении довоенного режима и активно отмежевывались от нацистского прошлого, в Японии не приветствовался «мазохистский» взгляд на историю, особенно на официальном уровне.

Более того, достаточно быстро возникло снисходительное отношение к военным преступникам, осужденным на Токийском процес-

се. Уже в 1953 г. вышел сборник «Завещание столетия», содержащий завещания казненных военных преступников, а начиная с 1951 г. с разной степенью регулярности японские премьеры стали посещать храм Ясукуни, где были восстановлены и стали почитаться имена осужденных. Довольно открыто и публично о политике пересмотра итогов войны заявил в 1980-е годы премьер-министр Накасонэ, провозгласивший принцип приверженности японским ценностям и избавления от синдрома побежденных.

Негативное в целом отношение в Японии к собственному милитаристскому прошлому неожиданно стало уживаться с удивительным психологическим комплексом — комплексом виктимности, т.е. ощущением собственного страдания, рождавшим на уровне массового сознания чувство психологического комфорта. Ничего подобного в послевоенной Германии не наблюдалось.

Внедрение в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяло провести четкое разделение между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением. Разнесение по разные стороны баррикад нации и государства логически подводило к заключению о том, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров. В свою очередь, это способствовало укреплению легитимности оккупационного правления и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма [Vukh 2007: 690].

Этот же подход естественным образом легитимировал императора Хирохито, образ которого удалось отделить от мрачного облика милитаристского режима. По мнению профессора Лейденского университета Р. Керстен, в этом проявился «пораженческий ревизионизм» (*defeat revisionism*), основанный на консенсусе между японскими консервативными элитами и американскими властями [Kersten 2003: 19].

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в период Второй мировой войны сам понес огромные жертвы и испытал неопишуемые страдания, которыми он смыл с себя историческую вину за события 1930—1940-х годов. Из 74 млн населения Японской империи в ходе войны погибло около 3 млн человек, в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В ходе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки погибли несколько сотен тысяч человек, а страдания *хибакуся* продолжались на протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о ковровых бомбардировках Японии с воздуха американцами весны—лета 1945 г. Например, в результате бомбежки Токио 10 марта 1945 г. от бомб и вызванного ими пламени погибло около 100 тыс. жителей.

Относительно умеренные результаты послевоенных политических чисток, наряду с восприятием японской вины во Второй мировой войне через призму собственной виктимности, давали многим японцам основания ощущать себя жертвой в не меньшей степени, чем страны Восточной Азии, пострадавшие от японской агрессии. Некоторые исследователи считают, что это явилось одной из причин того, что японцы не могли осознать до конца масштаб страданий, причиненных ими азиатским народам [Onuma 2002: 604].

Ощущение себя жертвой порождало среди японцев комфортное чувство жалости к себе и потому позволяло ослабить чувство вины, препятствуя поиску исторической правды. Дискурс виктимности стал основанием для сформировавшегося в послевоенном японском социуме пацифистского консенсуса. Представление о том, что все войны плохи и что все страдают от их последствий, позволяет не проводить разделительной черты между агрессором и жертвой. Историческая память сфокусировалась прежде всего на страданиях самого японского народа, а не его азиатских соседей.

Широкое распространение получил тезис о том, что империалистическая Япония действовала в условиях того времени точно так же, как и все прочие западные страны. Япония весь период новейшей истории с момента выхода на траекторию вестернизации действовала по сложившимся тогда правилам и была ничуть не хуже других империалистических держав, включая победивших ее США и Великобританию. По мнению М. Цудзита, хотя период военного времени характеризовался тем, что в стране сложилась крайняя форма тоталитаризма, ничего экстраординарного в политике Японии не было: она была последовательной в своем стремлении стать равной мировым державам и повысить свой статус в глазах других народов мира [Tsujita 2009: 189].

Во многих научных трудах, документах и выступлениях официальных лиц подчеркивается мысль о том, что на путь войны Японию подтолкнули экономический кризис, а также рост протекционизма и преференциального подхода Запада к мировой торговле. Японские консерваторы утверждают, что действия Японии во Второй мировой войне были законной и необходимой формой самообороны, навязанной Японии западным колониализмом и нефтяным эмбарго США [Pollman 2016: 311]. Например, С. Абэ, выступая на церемонии по поводу 70-летия окончания войны, заявлял о том, что Япония прибегла к силе, «предприняв попытку выйти из экономического и дипломатического тупика, спровоцированного политикой Запада» [Prime Minister of Japan 2015].

Более того, часть радикально настроенных консерваторов ультраправой ориентации настаивают на том, что Япония проводила в Юго-Восточной Азии политику национального освобождения от белых колонизаторов и что эта цель косвенно была достигнута, поскольку в послевоенный период большинство бывших колоний европейских империй достигли политической независимости. Один из консервативных политиков от правящей партии, Итагаки Тадаси, следующим образом дал свою оценку тому, что Япония сделала в Азии: «Вы неоднократно говорили, что Япония вторглась в Азию, но на самом деле Япония освободила Азию. Разве можно было бы освободить Азию от колониального господства [Запада] без Великой восточноазиатской войны»? [Saito 2017: 84].

Важный для консерваторов вопрос касается зверств, совершенных императорской армией во время войны. Консерваторы оспаривают многие обвинения, выдвинутые против Японии азиатскими странами, заявляя о том, что масштабы Нанкинской резни были сильно преувеличены, а реальное число ее жертв не превышает нескольких тысяч человек, что «женщины для утешения» были наемными проститутками, что система «станций для утешения» была обычной практикой в армиях того времени и что военные преступления, в том числе в отношении мирного населения, совершались армиями других стран (в том числе американской), а не только японской. Это выразилось, в частности, в публичном выражении японским премьер-министром сомнений по поводу существования самой проблемы «женщин для утешения»: 1 марта 2007 г. С. Абэ, выступая в парламенте, заявил об отсутствии каких-либо доказательств их принуждения.

Консерваторы также подчеркивают, что японцы, отдавшие свои жизни за родину в минувшей войне, являются отцами и дедами нынешнего поколения, а порицать их — значит осквернять память собственных предков. По мнению консерваторов, послевоенный пацифизм Японии означает необходимость «жить в тени собственного поражения», а сейчас уже настало время избавиться от комплекса неполноценности с достоинством и гордостью и восстановить национальную идентичность. Консервативные позиции в значительной степени основаны на «чистоте духа» и идеализированной «японскости» военного поколения, поэтому вся война не может быть признана агрессивной: это делегитимизировало бы благородство военного поколения и сделало бы их смерть бессмысленной.

Становлению в Японии подобного взгляда на историю Второй мировой войны способствовали решения Токийского трибунала, который возложил ответственность за развязывание войны и воен-

ные преступления на военное и политическое руководство страны, освобождая от ответственности граждан, обманутых политическими лидерами.

Консерваторы считают, что Токийский процесс не был попыткой расследовать военные преступления, а его главная цель заключалась в демонстрации превосходства над побежденным соперником. Сомнения выражаются и в отношении юридической обоснованности вердикта. Например, утверждается, что «преступления против мира» или «преступления против человечества», в которых обвинялись японские военные лидеры, были концептами, специально придуманными победившими державами, чтобы наказать побежденную нацию, и что применялись эти обвинения задним числом, поскольку такие преступления не были прежде определены в категориях международного права.

Это мнение разделял и премьер-министр Японии С. Абэ, который в своей книге «В направлении “красивой страны”», опубликованной в 2006 г., отмечал, что действия трибунала нарушают принцип международного права о неприменимости обратного действия закона. В той же книге Абэ утверждал, что японские военные, которых Токийский военный трибунал признал военными преступниками, не нарушали действовавшие в период войны японские законы, и, следовательно, с точки зрения японской правовой системы, эти лица не были военными преступниками [Абэ 2006]. Абэ, кроме того, выражал сомнения по поводу определения «агрессивной войны», заявив о том, что научных доказательств такого определения не существует. Выступая 16 февраля 2006 г. в парламенте, японский премьер отметил, что дача определения минувшей войны — это дело не правительства, а историков [Акахата].

Затрагивая тему Токийского трибунала, консерваторы часто приводят тот факт, что против обвинительного вердикта выступили трое из его одиннадцати судей. Большую известность в Японии получило особое мнение индийского судьи Радхабиноды Пала, который, хотя и не отрицал военных преступлений Японии, не согласился с большинством выводов трибунала. Неудивительно, что консерваторы считают тех японцев, кто придерживается «взгляда Токийского трибунала на историю», «мазохистами» и «манихеями» [Dian 2017: 44].

Взаимосвязь между особенностью формирования национальных идентичностей в Восточной Азии и тем кругом вопросов из области исторического прошлого, которые так или иначе актуализированы в диалоге Японии с соседними странами в послевоенный период, представляется очень неоднородной, но весьма насыщенной.

Приходится констатировать тот факт, что окончание биполярного противостояния не привело к политической интеграции в Северо-Восточной Азии. Политические элиты этих стран все более строят свое понимание прошлого и настоящего на травматизации общественного сознания, где источником травмы является тяжелое наследие первой половины XX в. и где Япония объявляется основным виновником произошедшего. От ее политиков требуются извинения или же им предъявляется упрек в недостаточности уже произнесенных извинений. Подобные упреки не выдвигались в десятилетия холодной войны, но стали все резче звучать из уст политиков нового поколения, пришедших к власти в последние десятилетия, когда наблюдается рост экономического процветания и социальной стабильности в их странах.

В Японии, в значительной степени как ответная реакция на безуспешные попытки примирения, также возобладала консервативная тенденция, в логике которой японское общество освобождается от ответственности за агрессивные действия в XX в. Виновной же называется лишь военно-политическая верхушка, понесшая за это наказание после войны. Кроме того, выдвигается тезис о том, что Япония — сама жертва Второй мировой войны, в качестве примера здесь приводятся авиабомбардировки Токио весной 1945 г. и ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, осуществленные в августе того же года. Подобное утверждение — удивительным образом понятая идея травмы, ставшая столь популярным идеологическим инструментом формирования общественного сознания в последнее время во многих странах.

В числе неурегулированных проблем остаются вопросы колониального прошлого в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова и Китая (проблема колониального правления на Тайване), проблема политической оценки экспансионистской политики Японии в отношении материковых государств Восточной Азии, включая оценку масштаба и характера злодеяний, совершенных японской военщиной в этих странах, вопросы компенсаций жертвам этой политики, а также территориальные споры Японии с Китаем, Республикой Корея и Россией. Важным фактором являются сохраняющиеся разногласия по поводу наследия прошлого и условий послевоенного урегулирования в Японии. Сан-Францисский мирный договор 1951 г. восстановил суверенитет Японии, однако ряд стран, которые являлись ее военными противниками, включая КНР, государства Корейского полуострова и СССР, этот договор не подписали. В результате Японии пришлось решать вопрос о нормализации политических от-

ношений с ними в течение нескольких десятилетий, а с Россией вопрос о подписании мирного договора по-прежнему стоит на повестке дня двусторонних отношений.

Список литературы

На русском языке

Ассман 2018 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2018.

Андерсон 2016 — *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Малинова 2016 — *Малинова О. Ю.* Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // *Политические исследования*. 2016. № 6. С. 139–158.

Малинова 2017 — *Малинова О. Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: Возможности сравнительного анализа // *Полития*. 2017. № 4 (87). С. 6–22.

Перминова 2020 — *Перминова В. А.* Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840010292-0-1/> (дата обращения: 16.05.2021).

На японском языке

Абэ 2006 — *Абэ Синдзо.* Уцукусий кунэ-э (В направлении «красивой страны»). Токио: Бунсюн синсё, 2006.

Акахата. 29.08.2006

На английском языке

Bukh 2007 — *Bukh A.* Japan's history textbook debate: National identity in narratives of victimhood and victimization // *Asian Survey*. 2007. No. 47(5). P. 683–704.

Cairo Communiqué — *Cairo Communiqué*. URL: https://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryō/01/002_46/002_46tx.html (accessed: 16.05.2021).

Collingwood 1946 — *Collingwood R. G.* History as Re-enactment of Past Experience // *The Idea of History*. Oxford: Oxford University Press, 1946. P. 282–302. URL: https://brocku.ca/MeadProject/Collingwood/1946_4.html.

Dian 2017 — *Dian M.* Contested memories in Chinese and Japanese Foreign Policy. Amsterdam: Elsevier, 2017.

Duus 2017 — *Duus P.* Introduction: History Wars in Postwar East Asia, 1945–2014 // 'History Wars' and Reconciliation in Japan and Korea. The Roles of Historians, Artists and Activists / Ed. by M. Lewis. N.Y.: Palgrave Macmillan US, 2017. P. 10–12.

Fitzgerald 2015 — *Fitzgerald J.* China's Anti-Fascist War Narrative: Seventy Years On and the War with Japan is not Over Yet // *The ASAN Forum*. 2015. November 17. URL: <http://www.theasanforum.org/chinas-anti-fascist-war-narrative-seventy-years-on-and-the-war-with-japan-is-not-over-yet/> (accessed: 25.04.2021).

Ja-hyun Chun 2016 — *Ja-hyun Chun, Young Chul Cho.* Different Historical Prisms and Regressive Political Reconciliation in Northeast Asia // *Journal of Asia-Pacific Studies*. 2016. Vol. 23. No. 3. P. 71–107.

Kersten R. Revisionism, reaction and the 'symbol emperor' in post-war Japan // Japan Forum. 2003. No 15 (1). P. 15–31.

Li 2018 — *Li R.* Identity Tensions and China-Japan-Korea Relations: Can Peace be Maintained in North East Asia? // Identity, Trust, and Reconciliation in East Asia. Rethinking Peace and Conflict Studies / Ed. by K. Clements. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018.

Onuma 2002 — *Onuma Yasuaki.* Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. No. 20.

Pollmann M. E. Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies // Journal of Asian Security and International Affairs. 2016. No. 3 (3). P. 307–336, DOI: 10.1177/2347797016670704.

Prime Minister of Japan 2015 — Statement by Prime Minister Shinzo Abe. 2015, August 14. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (accessed: 25.09.2020).

Saito 2017 — *Saito H.* Apologies and Denunciations, 1989–1996 // The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017. P. 74–101.

Tsujita M. A fragile balance between 'normalization' and the revival of nationalistic sentiments // War and Militarism in Modern Japan / Ed. by Guy Podoler. Brill, 2009. P. 187–198. DOI: 10.1163/ej.9781905246854.i-242.90.

Zhao Suisheng 1998 — *Zhao Suisheng.* A state-led nationalism: The patriotic education campaign in post-Tiananmen China // Communist and Post-Communist Studies. 1998. Vol. 31. Issue 3. P. 287–302.

